

Messages from a medium:
Ф. де Соссюр, Т. Флурнуа и случай одной ясновидящей *

В. В. Фещенко

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН, МОСКВА

Аннотация. В статье говорится о встрече и сотрудничестве между швейцарским психологом Теодором Флурнуа и его соотечественником, выдающимся лингвистом Фердинандом де Соссюром в разборе случая Элен Смит, швейцарской ясновидящей и медиума, которая на протяжении пяти лет в конце XIX в. устраивала спиритические сеансы для группы ученых.

В случае с медиумическими текстами Э. Смит, протоколами Т. Флурнуа и их интерпретациями Ф. де Соссюром мы наблюдаем, как две зарождающиеся на рубеже XIX–XX вв. науки – психология и лингвистика – обосновывали свой предмет и свои границы при обращении к пограничному опыту языковой деятельности на грани сознания и бессознательного. Впервые в истории глоссола и глосолог объединили усилия, чтобы провести «полевую работу», столь же визионерскую, сколь и научно выверенную. И впервые теоретическая лингвистика в лице одного из ее родоначальников столкнулась здесь с изучением аномальных текстов, существующих на грани художественности и бессмыслицы. В преддверии

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00130) в Институте языкознания РАН.

Фещенко В. В. Messages from a medium: Ф. де Соссюр, Т. Флурнуа и случай одной ясновидящей // Критика и семиотика. 2017. № 1. С. 109–123.

ISSN 2307-1737. Критика и семиотика. 2017. № 1
© В. В. Фещенко, 2017

«революции языка» в художественной литературе XX в. история о швейцарской ясновидящей, порождающей странные тексты на изобретаемых языках, поставила перед лингвистикой вопрос о статусе языка в необычных речевых практиках и неконвенциональных условиях текстопорождения.

С точки зрения современной науки о языке, глоссолалия может быть рассмотрена как коммуникативный акт, участниками которого выступают, с одной стороны, глоссолал, т. е. говорящий индивид, производящий глоссолалическую речь, и, с другой стороны, глоссолог – слушающий субъект, интерпретирующий эту речь. При этом глоссолалия представляет собой специфический случай порождения речи при отсутствии языка, кодирующего эту речь. Не имея под собой предсуществующего языка, глоссолалическая речь, тем не менее, производит такой эффект, будто субъект-глоссолал владеет неким неявным языком, который может быть реконструирован интерпретатором-глоссологом. Случай швейцарской ясновидящей Элен Смит и его интерпретация Ф. де Соссюром и последующими учеными показывают, что за такой речью может быть обнаружена система (она не является хаотическим набором звуков и слов), напоминающая реально существующие языки, однако не совпадающая ни с одним из них. Либо такой язык заведомо отсутствует или искажен (как в случае заумной речи некоторых сектантов, поэтов и душевнобольных), либо приобретает речевой навык на якобы существующем, но неизвестном языке (случай «санскритоида» Смит), либо же он изобретается в результате особых усилий сознания («марсианский» г-жи Смит). Во всех этих случаях создается видимость языка, или регистрируется язык в процессе его возникновения. В обсуждениях таких аномальных языковых проявлений рождается и предмет общей лингвистики, утверждающейся как наука на рубеже XIX–XX вв.

Ключевые слова: Соссюр, глоссолалия, бессмыслица, смысл.

УДК 800

Контактная информация: Фещенко Владимир Валентинович, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языкознания РАН (Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1, Москва, 125009, Россия, takovich2@gmail.com)

Бессмысленное – основа осмысленного дискурса.

М. де Серто

Голосовые утопии: глоссолалии

Речь пойдет о встрече и сотрудничестве между швейцарским психологом Теодором Флурнуа и его соотечественником, выдающимся лингвистом Фердинандом де Соссюром в разборе случая Элен Смит, швейцарской ясновидящей и медиума, которая на протяжении пяти лет устраивала спи-

ритические сеансы для группы ученых. Известность Т. Флурнуа принесли работы по парапсихологии и спиритизму – крайне популярной в конце XIX в. практике мистического общения с духами во время специальных сеансов. В 1894 г. Т. Флурнуа встречает в Женеве спиритистку и ясновидящую Катрин Элиз Мюллер, которая получает после этого псевдоним Элен Смит. По результатам сеансов, проведенных с ней, Флурнуа публикует в 1899 г. научную монографию под названием «От Индии до планеты Марс: исследование одного случая сомнамбулизма и глоссолалии» [Flournoy, 1899], в которой представляет детальнейший анализ протоколов проведенных с Э. Смит медиумических сеансов.

Не вдаваясь в подробности этой истории¹, скажем, что в своих спиритических сеансах госпожа Смит проживает три медиумических цикла, два из которых представляют особый лингвистический интерес. В первом она воображает себя на Марсе общающейся с обитателями планеты, во втором – перемещается в Древнюю Индию. Соответственно психолог Флурнуа фиксирует и транскрибирует два языка – «марсианский» и «санскритоид». Чтобы разобраться в этих языковых фантазиях, он обращается за помощью к нескольким видным филологам своего времени, среди которых был Ф. де Соссюр, считавшийся на тот момент выдающимся индоевропейцем, хотя еще и не ставшим пионером в теоретическом языкознании.

Соссюр с увлечением предпринимает анализ «индийского» языка, на котором выражается Э. Смит. Он делает комментарии к лингвистическим опытам медиумистики, посещает спиритические сеансы и предлагает свою интерпретацию глоссолалической речи. Флурнуа включает письма Соссюра, относящиеся к этому периоду, в упомянутую выше книгу.

Каков был интерес будущего классика современного языкознания в странных «санскритоидных» записях швейцарской духовидицы, по свидетельствам очевидцев, никогда в жизни не изучавшей санскрит? Соссюр дает свои ответы на поставленные Флурнуа в их переписке вопросы:

«Относительно того, является ли все это санскритом, очевидно необходимо ответить отрицательно. Можно лишь сказать, что:

Во-первых, мы имеем дело со смесью слогов, посреди которой, бесспорно, есть ряды из восьми-десяти слогов, составляющих фрагмент предложения, имеющего значение (особенно в восклицательных фразах, например: *mama priya*, *mon bien-aimé* (мой возлюбленный), *mama soukha*, *mes délices* (моя радость).

Во-вторых, что другие слоги с неясным содержанием, никогда не противоречат природе санскрита, т. е. не представляют собой группы, существ-

¹ См. подробнее в: [Lepschy, 1974; Cifali, 1985; 2004; Puech, 1988; Fehr, 1995; Courtine, 2000; Giacomelli, 2006; Joseph, 2012, p. 426–436].

венно отличающиеся или противоречащие общей форме санскритских слов.

В-третьих, г-жа Смит редко создает сложные последовательности слогов, а также сильно злоупотребляет гласной *a*; но санскрит является языком, в котором как раз доля гласных *a* по отношению к другим гласным практически четыре к одному, так что, произнося три или четыре слога с гласной *a*, нельзя избежать впечатления, что это слова на санскрите».

Наконец, в-четвертых, санскрит г-жи Смит никогда не содержит согласной *f*. Это значимый факт, хотя и от противного. Согласная *f* действительно чужда реальному санскриту» [Flouigny, 1900, с. 328–329].

Самое интересное в этих наблюдениях Ф. де Соссюра – повсеместный поиск смысла в бессмысленной на поверхности глоссолалии. Он стремится различать то, что поддается пониманию, и то, что непонятно. Некоторые слова Э. Смит он толкует как близкие к санскриту, другие же считает лишенными смысла. При этом Соссюру хорошо известно, что языка без смысла не бывает. Различия и повторения элементов, составляющие систему, уже создают презумпцию осмысленности. Соссюр здесь находится уже в рамках созданной им же самим (правда, десятью годами позднее) дихотомии языкового знака. Там, где есть означающие, должны быть и означаемые, выражаясь в терминах «Курса общей лингвистики». Еще задолго до его постулатов по общей лингвистике, в 1891–1893 гг., Соссюр формулирует в рукописи «О двойной сущности языка» (опубликованной лишь в 2000-е гг.) мысль о дуализме звука и знака. Если звук является частью языка, значит, он – одновременно и звук, и знак. А знак делает звук осмысленным. Если есть система дискретных форм, значит, должен быть и смысл, связываемый им с континуальностью. Впрочем, он допускает, что такая иллюзия смысла может быть результатом языковой игры: «В целом, должен отдать себе отчет, что все случаи континуального смысла, которые я с увлечением разыскал здесь, на данный момент являются не чем иным, как простой игрой» [Flouigny, 1899, p. 296]. Хотя анализ санскритоидной глоссолалии Смит и мог казаться Соссюру игрой, спустя десятилетие научная судьба Соссюра приведет его уже к более серьезным играм, а именно расшифровке анаграмм в реальных древних санскритских текстах. Методика там останется той же: поиски смысла, скрытого в формах, рассеянных по тексту (см. [Starobinski, 1979]).

Для характеристики «санскритоида» Э. Смит Ф. де Соссюр предпринимает любопытное упражнение. Он составляет текст на квазилатинском языке, без какого-либо уловимого смысла, в виде последовательности слов, сохраняющих фонологическую систему, но игнорирующих латинскую грамматическую связность:

Meâte domina mea soróre forinda inde deo inde sini godio deo primo nomine... obero mine... loca suave tibi ofisio et ogurio... et olo romano sua dinata perano die nono colo desimo... ridère pavère... nove...

По поводу этого текста он делает вывод – так, как будто сам стал глоссоалом: «Текст этот представляет определенную ценность тем обстоятельством, что не имеет ничего противоречащего латыни, даже там, где он ни к чему не отсылает в силу отсутствия смысла в словах» [Flournoy, 1899, p. 316]. И снова перед нами утверждение систематического характера бессмысленного языка. И опять же здесь предвосхищение его дальнейших языковых игр со стихотворениями современного Соссюру итальянского поэта Джованни Пасколи. Последний написал текст на латинском языке, в котором Соссюр обнаружил множество скрытых анаграмм, что вызвало немалое удивление у самого автора текста (подробнее см.: [Nava, 1968; Palmieri, 2016]). В переписке 1908–1909 гг. швейцарский лингвист тщетно пытался добиться от поэта отклика на его предположение, что анаграммы в стихе используются автором неслучайно, намеренно и сознательно. Им предлагаются следующие прочтения (цит. по: [Joseph, 2012, p. 557]):

1. .../ facundi calices hausere – alterni
FA AL ER ALERNI
2. / Urbium simul / Undique pepulit lux umbras... resides
U-----UL U-----ULI—X-----S-----S—ES
3. /Cicuresque/...
CI – R – CE
/Comes est itineris illi cerva pede/...

В первом примере Соссюром транскрибируется анаграмма *Falerni* (сорт итальянского вина), во втором – латинский вариант имени Одиссея-Улисса (*Ulixes*), а в третьем – латинское имя Цирцея (*Circe*).

Перед нами все та же соссюровская процедура с одним небольшим отличием от глоссологических опытов женеvского лингвиста. Если в случае с Э. Смит речь идет о незнакомом и бессмысленном языке, то в примере с Пасколи язык известен, но за ним предполагается некий анаграммируемый подъязык с дополнительным смыслом к уже существующим словам стихотворения. В обоих случаях Соссюр невольно сталкивается с общетеоретической проблемой: является ли язык и присущий ему смысл намеренным и сознательным, или на самом деле языковая игра здесь управляется подсознательным говорящего? Кажется, он не находит ответа на этот вопрос (хотя анаграммы в поэзии Пасколи ему представляются сознательными), будучи прежде всего озабоченным самой материальностью знаков в тексте. И даже переписка с А. Мейе по поводу роли анаграмм в текстах не успокаивает его, принуждая бросить эти, как ему уже кажется, сомнительные упражнения. Происходит это, напомним, на исходе первого десятилетия XX в., как раз накануне всплеска звуковой поэзии авангарда в ев-

ропейском масштабе. Но Соссюр отходит от этих занятий далеко в другую сторону – по направлению к прославившему его курсу лекций по общей лингвистике.

Но вернемся к истории 1890-х гг. Ф. де Соссюр сделал ряд замечаний по поводу так называемых «марсианских» текстов Э. Смит, изначально записываемых медиумисткой (рис. 1) на изобретенном ей «марсианском» алфавите (рис. 2) и впоследствии расшифровываемых ею же латиницей с собственным же переводом на французский при помощи Т. Флурнуа (рис. 3). По его мнению, марсианский язык представляет собой измененную до неузнаваемости форму французского, родного языка спиритистики: «Французские слова, остающиеся темой и субстратом того, что она хочет сказать, и закон, которому повинуются ее дух, таков, что каждое из знаковых ей французских слов просто заменяется экзотическим словом “марсианского языка”» [Flournoy, 1899, p. 304–305]. Так, французское слово *Madame* становится «марсианским» *Maguish*, а *Mademoiselle* – *Manogadish*. «Либо такая замена абсолютно произвольна, – отмечает лингвист, – либо она определяется воспоминанием о слове существующего языка» [Ibid.]. Таким образом, в глоссолалии Соссюр обнаруживает механизм, свойственный любому существующему языку, с его принципом структурности, арбитrarности и дихотомии знака.

На этот счет возникали и другие мнения. Например, французский лингвист В. Анри, опубликовавший целое исследование «Марсианский язык» в 1901 г. [Henry, 1901], пришел к выводу, что все слова этого «языка» Элен Смит мотивированы этимологически и в большинстве своем являются искаженными заимствованиями из других европейских языков – французского, венгерского, немецкого и др. В свою очередь, Соссюр упрекнул Анри в том, что наблюдения последнего носят случайный и изолированный характер. Тогда как самому Соссюру удалось установить систему в опытах спиритической глоссолалии.

Спор двух известных лингвистов своего времени вокруг, казалось бы, маргинального языкового материала, был впоследствии рассеян самим Т. Флурнуа, затеявшим глоссологическую авантюру. С позиции парапсихологии он заключил, что глоссолалия такого рода не сводится ни к экстатической и бессвязной речи, практикуемой представителями религиозных движений (например, пятидесятников), ни к модификации реально существующего иностранного языка. Согласно Флурнуа, речь здесь идет скорее о словотворчестве в своем предельном выражении – о *глоссопоезисе*, производстве совершенно нового языкового образования со своими элементами посредством подсознательных процессов личности глоссолала:

Dans chacun de ces cas, il faut de plus examiner si, et dans quelle mesure, l'individu attribue un sens déterminé aux sons qu'il émet, s'il comprend (ou a du moins l'impression de comprendre) ses propres paroles, ou bien s'il ne s'agit

ԶԻԶ ԶԻԿ. ԿՎԿԿԶԻԻ ԻԻ
 ԿԶԻԿ Ի ԻԸ Ե ՎԻԻԸ ԾԵ
 ՎԻԿ ԿՇԵԸԻ ԶԻԿԶԸ
 ԿՎ.Ե ԾԻ ԶԿ ԵԿԶԸԶԻԻ
 ԻԸԵ ԿՎԻԻ ԶԸ ԾԻ
 ՎԿԸԵԻ Ի ԻԸ ԶԻԿԵԻ. 3
 ԻԸԵԶԻ ԼԿ ԿԼԸ 3 ԶԸ ՎԵԿԼԿ 3 ~
 ԶԻԶ ԿԶԻԿ ԿԸ ԿԿԼԿԿԻԻ
 ԶԻ ԶԿՎԻԸԸ ԿԸԻԶԸԼ
 ԼԸԻ. ԶԵԿԿ ԶԸ ԶԻ ԼԸԻ.
 ԿԼԸԸԸ ԾԵԿԻ ԸԿԶԸԼ
 ԻԿԿԸ ԿԵԿԸԶԻԻ

Рис. 1. Текст на «марсианском» языке Элен Смит [Flournoy, 1899, p. 215]

Ծ	Կ	Լ	Կ	Ի	Յ	Չ	Չ	Ը	Զ	Ը	Զ	Զ	
a	b	c	d	e	f	g	h	i	j	k	l	m	n
Լ	Ծ	Լ	Վ	Կ	Կ	Յ				Ը	~	ԼԸ	
o	p	q	r	s	t	u	v	w	x	y	z	. ch	

Զ = Initiale Վ. = sdouble,ss 3 signe du pluriel

Рис. 2. Алфавит «марсианского» языка Э. Смит с соответствиями латинским буквам [Flournoy, 1899, p. 201]

— Textes "Martiens." — 39 (I)

2 février 1896. — Lang. d'innoms martiens, impossibles à recueillir, et sans traduction.
 Puis les mots : Métiche — Mellache — Metaganiche — Kintche
 Monsieur Madame Mademoiselle Quatre

20 sept. 1896. — dodé né ci haudan té méche méliche Astané ké de mé véche
 ceci est la maison du grand homme Astané que tu as vu
 (M^{lx} a écrit elle-même u kété, qui lui a été donné, en hallucinant bien entendu, aucun
 rapport à la vision d'une maison "martienne". La traduction française a été donnée
 avec répétition mot à mot du texte martien, et quelques jours plus tard (2 Nov. 1896.)

8 Nov. 96. — Bémel — Modé iné ce di cevauteh ni évé ché Kiné Liné.
 la Terre. Mère adorée, je te reconnais, je suis ton petit Liné.

29 Nov. Asnètec — I modé, modé modé, modé iné, palette is chi pelliche;
 (copie de paravent) O mère, tendre mère, mère béatissime, calme tout ton chagrin;
 ché chère ni si ten tivé
 ton fils est pris de toi.

4 Déc. 96. I Kiché ten ti éi ké de évé de éteche méne ié béhéde.
 Oh pourquoi puis-je ne te tiens-tu toujours, amie enfin retrouvée.

15 Déc. 96. Cé éié pleiva ti di béhéde éat rize tes midée durée
 je suis chagrin de te retrouver vivante sur cette belle terre.
Cé tenasse rize iéhe expénié véteche ié ché atové heine ni
 je voudrais sur notre "Espérie" vivre tout ton être, s'élever et
pove ten ti éi éni cécé méliche oné gude ni cécé durie gréte
 rester près de moi; ici les hommes sont bons et les cœurs larges.

13 Déc. 96. Ti iéhe coné expénié ni ti ési atové Astané ési érié visé évi
 de notre belle " " et de mon être, " , non aimé à toi

31 Janv. 1897. Améce mée tenécé lade ci améce ten tève avé mée
 viens un instant vers moi, viens près d'un vrai ami
Kéumé ié ché pellice; améce sémé tété misaimé ké de Surécé
 fonde tout ton cœur; viens admirer ces fleurs que tu chéris
pit-chami isa mété ié harécé ti finaimé isa ié té domécé
 une parfume bien parfumée si pleines de tendresse... Mais si, tu comprendras!

Рис. 3. Запись протокола медиумического сеанса Э. Смит (по-видимому, рукой Т. Флурнуа) с соответствиями на латинизированном «марсианском» и французском языках. Архив Ф. де Соссюра в Женевской библиотеке

que d'un déclenchement mécanique et sans signification de l'appareil phonateur, ou encore si ce jargon inintelligible pour la personnalité ordinaire exprime les idées de quelque personnalité seconde <...> Ce langage somnambulique ne rentre... ni dans le parler extatique et incohérent de l'enthousiasme religieux,

ni dans l'emploi d'une langue étrangère, mais réellement existante ; il représente plutôt le néologisme porté à sa plus haute expression et pratiqué d'une façon systématique, avec une signification très précise, par une sous-personnalité ignorée du Moi normal. C'est un cas de « glossopoièse », de fabrication complète et de toutes pièces d'une langue nouvelle par une activité subconsciente [Flournoy, 1899, p. 191]).

Автор объемной и обстоятельной книги 1910 г. о глоссолалии как культурном явлении, швейцарский теолог и историк Эмиль Ломбар, не будучи лингвистом, сделал, тем не менее несколько наблюдений о глоссолалии как автоматической речи на неинтеллигибельном языке. Глоссолалия, считает он, есть язык, но язык особого свойства. В частности, Ломбар останавливается на проблеме интерпретации, апеллируя к мифу о «говорении на языках» (см. об этом далее). Комментируя случай Э. Смит, он задается вопросом: «Что происходит, когда глоссолал видит и слышит смысл в том, что его не имеет?» [Lombard, 1910, p. 174]. Ссылаясь на данные новых психологических исследований, он отмечает: «Можно представить себе, что достаточно одной или двух вокабул, наделенных постоянным значением, для того чтобы спроецировать видимость смысла на весь контекст, который сам по себе ничего не значит». Как следствие, резюмирует он, «интерпретация со стороны, будь она реальной или фиктивной, если она удовлетворяет естественному любопытству... не является условием существования глоссолалии... Цель говорения на языках – в себе самом, в собственной неинтеллигибельности» [Ibid., p. 176]. Однако, заключает Ломбар, в определенных культурных обстоятельствах неинтеллигибельность глоссолалии может оборачиваться суггестией и даже частичной интеллигибельностью для воспринимающего ее другого сознания. Примером тому служит готовность Т. Флурнуа к совместной расшифровке непонятных записей и речей своей подопытной спиритистки.

Итак, в случае с медиумическими текстами Э. Смит, протоколами Т. Флурнуа и их интерпретациями Ф. де Соссюром мы смогли наблюдать, как две зарождающиеся на рубеже XIX–XX вв. науки – психология и лингвистика – обосновывали свой предмет и свои границы при обращении к пограничному опыту языковой деятельности на грани сознания и бессознательного. Впервые в истории глоссолал и глоссолог объединили усилия, чтобы провести «полевую работу», столь же визионерскую, сколь и научно выверенную. И впервые теоретическая лингвистика в лице одного из ее родоначальников столкнулась здесь с изучением аномальных текстов, существующих на грани художественности и бессмыслицы. В преддверии «революции языка» в художественной литературе XX в.² история о швейцарской ясновидящей, порождающей странные тексты на изобретаемых

² См. о глоссолалических утопиях в поэзии XX в. в работах [Denis, 1988; Tomiche, 2003; Фещенко, 2014].

языках, поставила перед лингвистикой вопрос о статусе языка в необычных речевых практиках и неконвенциональных условиях текстопорождения.

Глоссололическая тематика стала средством переосмысления теории Ф. де Соссюра уже в 1950–1960-х гг. Новые архивные публикации Р. Годеля, Р. Энглера и Ж. Старобински позволили взглянуть на классика современного языкознания с другой стороны, до того остававшейся неизвестной. Именно в этой связи французский литературовед Т. Тодоров воскресил в памяти историю с Э. Смит, пытаясь использовать ее в обосновании своей теории символа. Согласно Тодорову, Соссюр не допускает диверсификации символических систем. Он замыкается в логике референциального. Будучи неспособным остановиться на символических отношениях как таковых, Соссюр уделяет внимание только референциальным контекстам. Он близок к решениям, но избегает их, утверждает Тодоров. Даже там, где Соссюр пользуется понятием символа, он атрибутирует его как знак, причем знак преимущественно арбитрный. В его семиологии нет места символам. И в переписке с Т. Флурнуа он игнорирует символические аспекты, что мешает ему объяснить природу языка г-жи Смит. Впрочем, сам французский критик не дает собственных объяснений этого случая, лишь указывая на необходимость подходить к нему с позиций символа как мотивированного знака [Todorov, 1977, p. 323–338].

Еще один подход к глоссололии предлагается историком и антропологом М. де Серто в его примечательном эссе 1980 г. «Голосовые утопии: глоссололии». Делается попытка концептуализации этого явления в металингвистических терминах. Глоссололия описывается как «слуховая иллюзия» (*trompe-l'oreille*, по аналогии с *trompe l'oeil*, «оптической иллюзией»), «фасад языка». В глоссололии имеет смысл не то, что говорится, а сам акт говорения в рамках создаваемой «голосовой утопии». Соссюр, считает Серто, принял особый модус речи за язык и поэтому уперся в собственный теоретический тупик. Ведь глоссололия – это речь до языка, а точнее речь в процессе становления языка, как это происходит и у детей. Функция глоссололии, согласно Серто, – «учредить пространство для высказывания» [Certeau, 1980]. Именно понятие высказывания, которого так недоставало Соссюру и было введено уже спустя десятилетия его последователем Э. Бенвенистом, способно пролить свет на «безъязыкую» сущность подобных речевых процессов (см. также публикацию бесед о глоссололии между де Серто, У. Самариним и П. Фаббри [Certeau, 2015]).

Французский литературовед А. Компаньон, статья которого называется «Глоссололия, история без истории?» (1979), отмечает такую черту глоссололии, как а-историзм. В отличие от любого языка, имеющего историю, такая речь индифферентна к прошлому и хронологии. Она, с его точки зрения, противоположна лингвистике, являясь ее внутренним противоречием, отменяющим базовые законы языка. В глоссололии отсутствует ди-

хотомия диахронии и синхронии, поскольку она а-хронична [Comragnon, 1979]. Развивая ту же тему, итальянский философ Дж. Агамбен доходит до утверждения, что глоссолалия функционирует как христианское Слово-Логос: «Создавая бытие, самооткровение Слова в то же время учреждает небытие. Слово, которое было в самом начале, – это и слово небытийствующее (то есть слово значащее должно начинаться с того, чтобы ничего не сказать)» [Agamben, 1983, р. 66]. Комментируя это высказывание, А. Томиш добавляет важную фразу: «Тот, кто находится в таком глоссолалическом состоянии, испытывает само пришествие языка, инстанцию Слова, которое в начале» [Tomiche, 2003, р. 64].

Французский лингвист Ж.-Ж. Куртин, обратившийся к тематике «лингвистичности» глоссолалии, сформулировал ряд тезисов, касающихся лингвистического статуса говорения на языках, в частности, следующие:

- 1) глоссолалия не является языком;
- 2) более того, анализ способен показать, почему конкретно она не является языком;
- 3) глоссолалическое высказывание не производное системы существующего языка, но оно производит тот же эффект, что и язык;
- 4) глоссолалия производит впечатление языковой формы, которую она в то же время превосходит [Courtine, 1983, р. 41–45].

Итак, с точки зрения современной науки о языке, глоссолалия может быть рассмотрена как коммуникативный акт, участниками которого выступают, с одной стороны, глоссолал, т. е. говорящий индивид, производящий глоссолалическую речь, и, с другой стороны, глоссолог – слушающий субъект, интерпретирующий эту речь. При этом глоссолалия представляет собой специфический случай порождения речи при отсутствии языка, кодирующего эту речь. Не имея под собой предсуществующего языка, глоссолалическая речь, тем не менее, производит эффект, как будто субъект-глоссолал владеет неким неявным языком, который может быть реконструирован интерпретатором-глоссологом. Случай швейцарской ясновидящей Элен Смит и его интерпретация Ф. де Соссюром и последующими учеными показывают, что за такой речью может быть обнаружена система (она не является хаотическим набором звуков и слов), напоминающая реально существующие языки, однако не совпадающая ни с одним из них. Либо такой язык заведомо отсутствует или искажен (как в случае заумной речи некоторых сектантов, поэтов и душевнобольных), либо приобретает речевой навык на якобы существующем, но неизвестном языке (случай «санскритоида» Смит), либо же он изобретается в результате особых усилий сознания («марсианский» г-жи Смит). Во всех этих случаях создается видимость языка, или регистрируется язык в процессе его возникновения. В обсуждениях таких аномальных языковых проявлений рождается и предмет общей лингвистики, утверждающейся как наука на рубеже XIX–XX вв.

Список литературы

- Фещенко В.* Между бедностью языка и бездной речи. Распад логоса как поэтический процесс // Новое литературное обозрение. 2014. № 1 (125).
- Agamben G.* La glossolalie comme probleme philosophique // Le Discours psychanalytique. 1983. № 6.
- Certeau M. de.* Utopies vocales: glossolalies // Traverses. 1980. № 20.
- Certeau M. de.* Utopie vocali. Dialoghi con Paolo Fabbri e William J. Samarin. Milano, 2015.
- Cifali M.* Une glossolale et ses savants: Elise Müller, alias Hélène Smith // La linguistique fantastique. Paris, 1985.
- Cifali M.* A propos de la glossolalie d'Elise Müller, et des linguistes, psychologues, qui s'y intéressèrent // Linguistique et partages disciplinaires à la charnière des XIXe et XXe siècles : Victor Henry (1850–1907). Leuven, 2004.
- Compagnon A.* La glossolalie: une affaire sans histoire? // Critique. 1979. № 87.
- Courtine J.-J.* Des faux en langues ? (Remarques linguistiques à propos des glossolalies) // Le Discours psychanalytique. 1983. № 6.
- Courtine J.-J.* La question de la glossolalie // Histoire des idées linguistiques. Liège, 2000. T. 3: L'hégémonie du comparatisme.
- Denis J.-P.* Glossolalie, langue universelle, poésie sonore // Langages. 1988. Vol. 23, n. 91.
- Fehr J.* Le Mécanisme de la langue entre linguistique et psychologie : Saussure et Flournoy // Langages. 1985. № 120.
- Flournoy Th.* Des Indes à la Planète Mars. Genève, 1899.
- Flournoy Th.* From India to Planet Mars. A Study of a Case of Somnambulism with Glossolalia. New York, London, 1900.
- Giacomelli R.* Lo strano caso della signora Hélène Smith – Spiritismo, glossolalie e lingue immaginarie. Milano, 2006.
- Henry V.* Le langage martien. Paris, 1901.
- Joseph J. E.* Saussure. Oxford, 2012.
- Lepschy G. C.* Saussure e gli spiriti // Studi saussuriani per Robert Godel. Bologna, 1974.
- Lombard E.* De la glossolalie chez les premiers chrétiens et des phénomènes similaires. Etude d'exégèse et de psychologie. Lausanne, 1910.
- Nava G.* Lettres de Ferdinand de Saussure à Giovanni Pascoli // Cahiers Ferdinand de Saussure. 1968. № 24.
- Palmieri G.* Saussure chiama, Pascoli risponde. Nuove prospettive sulla ricerca anagrammatica // L'analisi linguistica e letteraria. 2016. Anno XXIV.
- Puech Ch.* Parler en langues, parler des langues // Langages. 1988. № 91.
- Starobinski J.* Words upon Words: the Anagrams of Ferdinand de Saussure. New Haven, 1979.
- Todorov T.* Théories du symbole. Paris, 1977.

Tomiche A. Du sacré au poétique // Revue de littérature comparée. 2003. № 1 (305).

Article metadata

Title: Messages from a medium: F. de Saussure, Th. Flournoy and a case of clairvoyance

Author: V. V. Feshchenko

Author's e-mail: takovich2@gmail.com

Author affiliation: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The article's focus is the meeting and cooperation between the Swiss psychologist Theodore Flournoy and his compatriot, outstanding linguist Ferdinand de Saussure, in the analysis of the case of Hélène Smith, a Swiss clairvoyant and medium who for five years at the end of the 19th century organized spiritualistic sessions for a group of scientists.

In the case of H. Smith's mediumistic texts, Th. Flournoy's protocols and their interpretations by F. de Saussure, we observe how two sciences, emerging at the turn of the 19th and 20th centuries – psychology and linguistics – substantiated their subject and their boundaries when referring to the borderline experience of linguistic activities on the verge of consciousness and the unconscious. For the first time in history, the glossolalist and glossologist joined forces to conduct a "field work", visionary as much as scientifically accurate. Moreover, for the first time theoretical linguistics represented by one of its founding fathers encountered here the study of abnormal texts existing on the verge of artistry and nonsense. On the eve of the "language revolution" in 20th century literature, the story of the Swiss clairvoyant engendering strange texts in invented languages posed to linguistics the question of the status of language in unusual speech practices and unconventional text-generation conditions.

From the point of view of modern linguistics, glossolalia can be considered as a communicative act, where on the one hand, the participants are glossolalists, i.e. speaking individuals who produce glossolalic speech, and, on the other hand, the glossologists as listening subjects interpreting this speech. In this case, glossolalia is a specific case of speech generation in the absence of the language that encodes this speech. Without a pre-existent language, glossolalic speech, nevertheless, produces the effect as if the subject-glossolalist owned some kind of implicit language and can be reconstructed by the interpreter-glossologist. The case of the Swiss clairvoyant Helen Smith and its interpretation by F. de Saussure and other scholars show that such a speech can be detected by the system (it is not a chaotic set of sounds and words) reminiscent of real languages, but, however, does not coincide with any one of them. Either such a language is certainly missing or distorted (as in the case of the abstruse speech of some sectarians, poets and mentally ill people), or a speech skill

is acquired in an allegedly existing but unknown language (the case of Smith's "Sanskritoid"), or it is invented as a result of special efforts of consciousness (Smith's "Martian" language). In all these cases, the appearance of language is created, or the language is registered in the process of its occurrence. In discussions of such anomalous linguistic manifestations, the subject of general linguistics was born and affirmed as a science at the turn of the 19th and 20th centuries.

Key terms: Saussure, glossolalia, nonsense, sense.

Reference literature (in transliteration):

Feshhenko V. Mezhdú bednost'ju jazyka i bezdnoj rechi. Raspad logosa kak pojeticheskij process // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2014. № 1 (125).

Agamben G. La glossolalie comme probleme philosophique // *Le Discours psychanalytique*. 1983. № 6.

Certeau M. de. Utopies vocales: glossolalies // *Traverses*. 1980. № 20.

Certeau M. de. Utopie vocali. Dialoghi con Paolo Fabbri e William J. Samarin. Milano, 2015.

Cifali M. Une glossolale et ses savants: Elise Müller, alias Héléne Smith // *La linguistique fantastique*. Paris, 1985.

Cifali M. A propos de la glossolalie d'Elise Müller, et des linguistes, psychologues, qui s'y intéressèrent // *Linguistique et partages disciplinaires à la charnière des XIXe et XXe siècles : Victor Henry (1850–1907)*. Leuven, 2004.

Compagnon A. La glossolalie: une affaire sans histoire? // *Critique*. 1979. № 87.

Courtine J.-J. Des faux en langues ? (Remarques linguistiques à propos des glossolalies) // *Le Discours psychanalytique*. 1983. № 6.

Courtine J.-J. La question de la glossolalie // *Histoire des idées linguistiques*. Liège, 2000. T. 3: L'hégémonie du comparatisme.

Denis J.-P. Glossolalie, langue universelle, poésie sonore // *Langages*. 1988. Vol. 23, n. 91.

Fehr J. Le Mécanisme de la langue entre linguistique et psychologie : Saussure et Flournoy // *Langages*. 1985. № 120.

Flournoy Th. Des Indes à la Planète Mars. Genève, 1899.

Flournoy Th. From India to Planet Mars. A Study of a Case of Somnambulism with Glossolalia. New York, London, 1900.

Giacomelli R. Lo strano caso della signora Héléne Smith – Spiritismo, glossolalie e lingue immaginarie. Milano, 2006.

Henry V. Le langage martien. Paris, 1901.

Joseph J. E. Saussure. Oxford, 2012.

Lepschy G. C. Saussure e gli spiriti // *Studi saussuriani per Robert Godel*. Bologna, 1974.

Lombard E. De la glossolalie chez les premiers chrétiens et des phénomènes similaires. Etude d'exégèse et de psychologie. Lausanne, 1910.

Nava G. Lettres de Ferdinand de Saussure à Giovanni Pascoli // Cahiers Ferdinand de Saussure. 1968. № 24.

Palmieri G. Saussure chiama, Pascoli risponde. Nuove prospettive sulla ricerca anagrammatica // L'analisi linguistica e letteraria. 2016. Anno XXIV.

Puech Ch. Parler en langues, parler des langues // Langages. 1988. № 91.

Starobinski J. Words upon Words: the Anagrams of Ferdinand de Saussure. New Haven, 1979.

Todorov T. Théories du symbole. Paris, 1977.

Tomiche A. Du sacré au poétique // Revue de littérature comparée. 2003. № 1 (305).